

Д. В. ДЖОХАДЗЕ

ОТ АРИСТОТЕЛЯ К МАРКСУ

Историческую заслугу новейшей немецкой философии, нашедшей свое завершение в философии Гегеля, Маркс и Энгельс видят в ее возвращении к **диалектике** как высшей форме мышления¹. Здесь прежде всего имеется в виду возвращение именно к той диалектике, которая была заложена и развита древнегреческими философами. Аристотель же — «величайший мыслитель древности»², «могучий голос которого оглашал целые столетия»³, исследовавший «существеннейшие формы диалектического мышления»⁴, — занимает среди них особое место. Диалектика Аристотеля составляет один из самых значительных разделов истории домарксистской диалектики. В частности, аристотелевская теория суждения и умозаключения — наглядное тому доказательство.

Сразу же заметим, что составные компоненты суждения, данные Аристотелем, Маркс рассматривал прежде всего не как формально-логическую конструкцию, но как диалектическую, ибо суждение в логике Аристотеля — это одна из форм диалектико-логического. Оно является определенной связью, единством различных взаимоисключающих моментов — субъекта и объекта — через средний термин. Суждение, как основная форма мысли, выступает у Аристотеля в виде единства трех взаимоисключающих его элементов, или терминов, на которые «разлагается суждение»⁵. Диалектическая природа суждения заключается в том, что «всякое доказательство дается посредством трех и не более терминов»⁶ — субъекта, предиката и копулы (есть), которые выступают как логическая необходимость категориальных (общего и единичного) отношений. Суждение — это диалектическое единство положительных и отрицательных моментов субъекта и предиката, единство различия и тождества. Так, «Сократ» как таковой не тождествен с «человеком» как таковым, ибо первое — единичное, а второе общее. Поэтому если, как это делал Аристотель, вскрыть содержание действительного соотношения данных понятий с точки зрения содержащихся в них категорий — общего и единичного, то

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 202.

² Там же. С. 419.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 79.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 202.

⁵ Аристотель. Аналитики. М.; Л., 1952. С. 10.

⁶ Там же С. 72.

различие составных элементов указанных суждений — этих простейших «клеточек» мысли — предстает перед нами как диалектическая противоположность общего и единичного.

Поскольку взаимоотношение составных понятий суждения является не непосредственным, а опосредованным и оно есть единство различных понятий, суждение проявляет свою антиномичность. Антиномичность эта, согласно Аристотелю, должна быть разрешена в чем-то другом, а именно в умозаключении. Субъект и предикат получают свою логическую определенность в суждении, но эта определенность еще не полная. Чтобы она стала таковой, необходимо умозаключение, как следствие перехода суждения в своем другом. Поэтому умозаключение у Аристотеля можно определить как взаимный переход суждений вообще. Но в отличие от предикат-субъективных отношений, что приводит к более завершенной, нежели суждение, логической форме, — связь между которыми не непосредственная, а опосредованная и наполнена диалектическим содержанием.

Напрашивается вопрос — каковы же отношения между этими терминами? Послушаем Аристотеля: «Если три термина так относятся между собой, что последний целиком содержится в среднем, а средний целиком содержится или не содержится в первом, то необходимо, чтобы для двух крайних терминов образовался совершенный силлогизм»⁷. Тогда эту систему мысли можно традиционно записать так: М-Р, S—М, S—Р, где малый, средний и большой термины составляют заключение. Если каждое суждение, как было сказано, есть опосредованная связь, то умозаключение, которое, со своей стороны, состоит из нескольких суждений, тем более должно быть опосредованным. Умозаключение, по Аристотелю, опосредовано средним термином, и это опосредование имеет своей основой именно отличие среднего от крайних. Без среднего невозможно выполнить умозаключение, и это понятно, как как среднее у Аристотеля выступает как сущность⁸, причем так, что фигуры логического мышления отличаются между собой местом, занимаемым «средним». Это вполне понятно, так как не только в силлогистическом умозаключении, но и для всей философии вообще проблема среднего была чуть ли не основной проблемой. Роль «среднего» в логике Аристотеля лучше всего наблюдается в наиболее усовершенствованном умозаключении — в категорическом силлогизме, к которому, кстати, должны быть сведены или обратимы все остальные фигуры умозаключения⁹. Так, М-Р, S—М, S-Р – первая фигура, S—М, Р-М, S-М – вторая фигура, и, наконец, М—S, М – Р, S-Р – третья фигура.

⁷ Аристотель. Аналитики. М.; Л., 1952. С. 14.

⁸ Аристотель. Аналитики. М.; Л., 1952. С. 19.

⁹ Там же. С. 23—29 и др.

В этой форме аристотелевского умозаключения уже заложена возможность ее прогрессирующего развития. Гениальность Гегеля заключается в том, что, глубоко вникнув в аристотелевскую классификацию фигур силлогизма, он дал свою собственную классификацию фигур логического умозаключения. Интересно, конечно, показать, насколько Гегель в своих позитивных в этом отношении стремлениях был определен Аристотелем. Так, аристотелевская идея о синтетичности силлогистического умозаключения, нужно полагать, во многом способствовала тому, чтобы Гегель понял суждение как умозаключение «в возможности» или как «сжатое умозаключение». Исходя из этого и думая, что связь крайних понятий, данная в умозаключении, осуществлена не копулой «есть», а средним термином, имманентно заключавшемся в предпосылках, Гегель счел субъективным и потому неполным аристотелевскую конструкцию умозаключения, состоящую, как известно, из трех суждений. Стало быть, по мнению Гегеля, умозаключение состоит не из трех, как у Аристотеля, суждений, а из трех диалектически насыщенных определенностей, где два крайних термина соединены, а потом и опосредованы средним термином. Поэтому аристотелевскую формулу умозаключения, т. е. первую фигуру $M-P, S-M, S-P$, Гегель «упростил» и представил так: $E-O-V$ (т. е. единичное — особенное — I всеобщее)¹⁰ или, что одно и то же, $S-M-P$, где единичное и всеобщее связаны между собой через отличное I от них третье — **особенное**. Соответственно, аристотелевскую вторую фигуру $S-M, P-M, S-P$ он представил как $E-V-O$ (т. е. единичное — всеобщее — особенное)¹¹, где единичное и особенное диалектически связаны через отличное от них такое среднее, как **всеобщее**. И, наконец, третью фигуру умозаключения $M-S, M-P, S-P$ Гегель развил так: $O-E-V$ (т. е. особенное — единичное — всеобщее)¹², где связывающим средним термином между] особенным и всеобщим выступает единичное. Как у Аристотеля, так и у Гегеля, так как первая фигура не дает истину в соответствующей полноте, то она необходимо требует вторую фигуру, а вторая — третью.

Эту, в принципе своем, аристотелевскую фигуру Гегель характеризует как «понятие, расщепленное на свои абстрактные моменты», имеет своими крайними членами I единичность и всеобщность, а само оно дано как находящаяся между ними

¹⁰ Гегель. Сочинения. М.; Д., 1929. Т. 1. С. 290, а также см.: Гегель. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 109, и Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 368-374.

¹¹ Гегель. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 122

¹² Там же.

особенность¹³. Причем особенность у Гегеля образует ту «середицу»¹⁴, которая у Аристотеля называется средним термином. Именно это аристотелевское, I по изначальному «происхождению» среднее понятие, у Гегеля выступает, например, в его первой фигуре¹⁵, как особенное (соответственно: во второй фигуре — **всеобщее**, а в третьей фигуре — **единичное**); крайние же понятия — **единичное и всеобщее** — имеются как у Аристотеля, так и у Гегеля. «В силу своей определенности особенность, с одной стороны, подведена под всеобщее, а с другой — единичное, по отношению к которому она обладает всеобщностью, подведено под особенность»¹⁶. Здесь важно заметить, что у Гегеля, так же как и у Аристотеля, **единичное есть всеобщее**, но не, как у Аристотеля, непосредственно, а опосредовано посредством **особенного**, или через среднее понятие, что в принципе одно и то же. Далее у Гегеля, так же как у Аристотеля, крайние понятия противостоят друг другу, но они тождественны в отличном от них третьем — **среднем** или **особенном**. Гегель, как и Аристотель, тоже считает свою первую фигуру «всеобщей схемой умозаключения» вообще, ибо здесь «единичное подведено под особенное, а особенное — под всеобщее; поэтому и единичное подведено под всеобщее»¹⁷. Словом, всеобщее значение первой фигуры умозаключения, о котором еще говорил Аристотель и вслед за ним Гегель, заключается в том, что аристотелевское разделение отношения терминов на отдельные суждения или логические посылки и отличное от них заключение (например: «Все люди — смертны. Кай — человек. Следовательно, Кай — смертен»)¹⁸ Гегель считает результатом неполной рефлексии — «чисто субъективной рефлексией», которая сразу же, как он говорит, наводит скуку. Справедливости ради заметим сразу, что без этого аристотелевского «анатомического расщепления, выпотрашивания и трудоемкого первоначального диалектического выворачивания «клеточек мышления в шиворот-навыворот», называемое Гегелем «субъективной рефлексией», не только совершенно невозможно было бы исследование объективного содержания рефлексивной мысли, которой тем не менее справедливо интересуется Гегель, но она является необходимым условием для ее достижения. Аристотель специально проанализировал внутреннюю структуру того именно логико-диалектического содержания мысли, которое потом, спустя столетия, у Гегеля станет предметом заинтересованного

¹³ Там же. С. 118.

¹⁴ См.: там же. С. 109.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 118.

¹⁷ Гегель. Наука логики М., 1972 Т. 3. С. 111.

¹⁸ Там же С. 112

исследования при разборе им, в частности, аристотелевской и своей первой фигуры. В последней же мы видим те же самые, что у Аристотеля, три основных логических термина, только в их чистом, или «сжатом», виде. Гегелевская первая фигура, построенная в виде трех чистых понятий $E—O—B$, если ее «разжать», то непременно покажет, что она внутренне содержит ту же самую посылочную структуру мысли, за которую он с легким высокомерием критиковал Аристотеля. Между тем как у Аристотеля, так и у Гегеля первая фигура умозаключения базируется на отношении пусть разной степени содержательных, но, тем не менее, на тех же самых — **единичного, особенного и всеобщего**. В обоих случаях среднее понятие первой фигуры по сравнению с крайними понятиями представляет собой не что иное, как **особенное**. Другое дело, что аналитическая форма изложения диалектической мысли, данная Аристотелем, в логике Гегеля сменилась, а это значительный прогресс, более развитой формой изложения той же самой, что у Аристотеля, диалектической мысли. Гегель сделал шаг вперед, предприняв содержательное «упрощение» аристотелевского умозаключения, причем необходимо заметить, что первая фигура логического умозаключения $E—O—B$ соответствует аристотелевской первой фигуре, третья фигура $E—B—O$ соответствует второй аристотелевской, и, наконец, вторая фигура Гегеля соответствует третьей аристотелевской.

Легко заметить, что у Аристотеля, как и у Гегеля, единичное есть всеобщее через особенное (первая фигура), особенное есть всеобщее через единичное (третья фигура) и единичное есть особенное через всеобщее (вторая фигура). Во всех случаях как у Аристотеля, так и у Гегеля конструкция логической мысли и ее объективное содержание целиком зависят от положения среднего понятия. Все фигуры гегелевского умозаключения, по сути дела, выступают как оправдание фигур аристотелевского умозаключения. Он старался найти их диалектическую связь между собой, реализовать их смысл и назначение, вникнуть глубже в природу логического, что, безусловно, является рациональным зерном в диалектической логике Гегеля. В рассмотрении логических фигур в их диалектической взаимосвязи и переходах друг в друга как раз и заключается то главное приращение, которое получила аристотелевская логика у Гегеля. Кроме того, что тоже существенно, если **общее** во всех фигурах силлогистического умозаключения в логике Сагирика, как известно, в основном лежит в особенности определения фигур силлогизма через объем понятий, то у Гегеля фигуры умозаключения, имеющие категориальное содержание, характеризуются шире, чем простое видо-родовое и объемное соотношение понятий, для преодоления которого у Аристотеля имеется

и открытое, то молчаливое указание и на которые верно среагировал Гегель.

Для Гегеля, который целиком учитывает логическую концепцию Аристотеля, объективная мысль фигур умозаключения состоит в том, что все богатства содержания как природы, так и общества оказываются тройким умозаключением, притом так, что каждый из его членов занимает место как крайностей, так и опосредствующей середины. Фактически подчиняя свою философию триадическому делению диалектического силлогизма, он в связи с этим пишет: «Так именно обстоит дело с тремя членами философской науки, т. е. с логической идеей, природой и духом»¹⁹. Поэтому вся его философская система есть всеобъемлющее, так сказать, «глобальное» умозаключение, имеющее опять-таки три главных основополагающих момента: логическая идея, природа и дух. Получается, что Гегель всю действительность — как природную, так и сверхприродную — в определенном смысле целиком подчинил не собственной, а прежде всего именно логической структуре аристотелевской силлогистики, где у Гегеля, во-первых, природа выступает как среднее; она является непосредственным единым и терпит членение и развитие в двух крайних терминах — в логической идее и в духе; во-вторых, у него деятельный дух тоже выступает как крайнее понятие, где дух в природе познает логическую идею, т. е. сущность; и, наконец, в-третьих, когда в качестве среднего оказывается сама логическая идея, абсолютная субстанция как природы, так и духа. На этой ступени развития логическая идея выступает как всеобъемлющая общность. Вот таковы, по Гегелю, члены абсолютного умозаключения²⁰.

Сопоставление философских концепций двух корифеев мысли — Аристотеля и Гегеля — необходимо, так как именно через них лежит исторический путь к Марксу, к марксизму-ленинизму в целом. И это понятно, ибо, как писал Ф. Энгельс, «исследование форм мышления и логических категорий очень благодарная и необходимая задача, и за систематическое разрешение этой задачи после Аристотеля только Гегель»²¹. Главное в данном случае как у Аристотеля, так и Гегеля — не результат, конечная цель (в качестве которой у обоих выступает Бог), а сам процесс искания диалектического познания мира, исследование диалектической природы человеческого мышления. В философии Гегеля представляет собой интерес то, что именно в его всеохватывающей системе » логика Аристотеля получила такую существенную коррекцию, после чего практически и открылась

¹⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.4. Ч. 1. Логика С. 373.

²⁰ См.: там же.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 555

возможность создания логики с «большой буквы» — логики диалектической. В этом смысле Гегель развил Аристотеля в следующих основных аспектах: **1.** Категорический силлогизм Аристотеля, по мнению Гегеля, базируется на отношении рода и вида — признак признака есть признак предмета, поэтому он содержит такие непредвиденные затруднения, которых не будет в умозаклчениях, построенных с помощью категорий. После гегелевского усовершенствования аристотелевский категорический силлогизм принимает вид $E—O—V$, что, по сути дела, уже является категориальным умозаклчением. **2.** Гегель упрекал Аристотеля в недостаточном подчеркивании синтетичности умозаклчения. В логическом учении Гегеля умозаклчения стали в высшей степени синтетичными. **3.** Диалектическая ограниченность аристотелевской концепции логики, согласно Гегелю, проистекает из того, что логика Аристотеля — это логика объемного отношения рода и вида, где главное значение имеет распределение понятий, по принципу субординации, а не требования бесконечного умозаклчения, в котором происходит взаимный переход понятий. Гегель справедливо заметил, что использование распределения понятий с точки зрения объема, рода и вида имеет тенденцию квантификации предиката и, стало быть, сведения логического к исчислению, что, впрочем, в дальнейшем хорошо было развито в формальной логике. Следовательно, Гегель избрал другой путь — сведение логического к диалектическому.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин довели до логического конца решение ряда логико-диалектических проблем, поставленных Аристотелем и продолженных Гегелем. Отношения классиков марксизма к античному философскому наследию вообще, и к Аристотелю в частности, — тема специальная. Здесь же мы хотели бы затронуть лишь отдельные моменты диалектического понимания Марксом теории умозаклчения и силлогистики Аристотеля. Маркс, как и Энгельс и Ленин, характеризовал Аристотеля, прежде всего, не как формального логика, а как логика диалектического, в смысле предшественника Гегеля. Заметим, что даже в этом случае формальная логика никогда ими не противопоставляется логике диалектической.

Так, при всей диалектичности моментов суждения в теории умозаклчения Аристотеля диалектика пока еще так ограничена, что, например, в первой фигуре, где «единичное посредством есть общее» — замена местами терминов практически невозможна, тогда как для Маркса, в принципе принимающего гегелевскую формулу, изображающую аристотелевскую силлогистику в виде одного категориального суждения, такая перестановка субъекта и предиката не только возможна, но просто необходима. Интересно, что при решении сложной диалектической проблематики своего «Капитала», связанной, в

частности, с ключевыми категориями — **потреблением, производством и распределением-обменом**, Маркс использует аристотелевский силлогизм и его гегелевскую модификацию, вкладывая в него новое диалектическое содержание. «Анализ заключений у Гегеля (E—B—A, Eins, Besonderes, Allgemeines, B—E—A etc) напоминает о подражании Гегелю у Маркса в I главе»²², — пишет Ленин в связи с этим о «Капитале» Маркса. Впрочем, о своем «подражании Гегелю» Маркс сам писал в Послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», что в ответ на третирование Гегеля в «образованной Германии» того времени он открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения»²³.

В. И. Ленин подчеркивает важность логики Гегеля для понимания логики «Капитала» Маркса. «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя»²⁴. Между тем Гегель лишь угадал возможное, диалектической интерпретации аристотелевской силлогистики. Маркс же в основании аристотелевских и гегелевских умозаключений усмотрел более сложные, чем это казалось Гегелю, значимые умозаключения, в которых Маркс открыл содержательную форму понятийно-категориального выражения отдельных, принципиально важных диалектических моментов политической экономии. Так, E—O—B, т. е. «единичное — особенное — всеобщее», по Марксу, являются диалектическими моментами первой фигуры гегелевски интерпретированного аристотелевского силлогизма. Однако с точки зрения развития диалектики, заложенной в силлогистике, существенным является то, что эти понятия Маркс рассматривает не в аспекте их объемного отношения (хотя оно и не исключается), а как такие отношения, когда как средние, так и крайние понятия выступают как моменты сущности. При этом важно заметить, что понятийные отношения первой фигуры Марксом рассматриваются в качестве таких взаимно определяющих моментов, когда на первый план всегда выступает диалектическое отрицание. Это хорошо видно при ближайшем рассмотрении самих фигур силлогистического «умозаключения».

Все три фигуры силлогизма: E—O—B, O—E—B и E—B—O — у Маркса принимают такое диалектически наполненное содержание, когда собственно только и становится возможным раскрытие такой

²² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 29. С. 160.

²³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21-23.

²⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 29. С. 162.

веками запутанной проблемы, какой является проблема взаимоотношения и взаимопределения производства — распределения — обмена и потребления. Тогда, согласно Марксу, расстановки упомянутых категорий политической экономии по первой, фигуре мы получим: **потребление есть производство через распределение-обмен**; по второй фигуре **распределение-обмен есть производство через потребление**, и, наконец, по третьей фигуре — **распределение-обмен есть потребление через производство**.

Марксова экономическая «силлогистика» — диалектически-логические умозаключения — по сравнению с гегелевской, которая, понятно, была в высшей степени абстрактной, опять принимает конкретный, как у Аристотеля, характер, но конкретность эта представлена на таком высоком уровне, когда достигнута самая высшая, всеохватывающая научная абстракция. Как в «К критике политической экономии», так и в «Капитале» Маркса эта конкретность абстрактного, как известно, достигнута определенной расстановкой составных понятий трех фигур силлогизма, ставших марксовыми умозаключениями, которые он записывал так: 1. Т—Д—Т, 2. Д—Т—Д и 3. Д— Т—Д+ Д²⁵. Кроме упомянутой диалектики между производством—распределением—обменом и потреблением, диалектическая природа силлогизма отчетливо раскрыта также в данной марксовой формуле, изображающей диалектику взаимного определения товара и денег, определенная связь которых дает умозаключение по всем выше разобранным фигурам.

В диалектических умозаключениях, которые, как было показано, своим прототипом имеют аристотелевские силлогизмы категорических умозаключений, категории «деньги — товар», постоянно меняются местами, переходят друг в друга (т. е. каждый из них выступает в роли среднего и крайнего терминов), как это хорошо видно из формулы. Рассматривая категории единичного, всеобщего и особенного с точки зрения логической связи трех фигур умозаключения, Маркс понимает потребление как частное, или единичное, распределение-обмен как особенное и, наконец, производство как всеобщее. Здесь, как и в вышеуказанных случаях, понятия находятся в диалектической связи. Так, например, согласно Марксу, производство как общее есть потребление как единичное. Но Маркс не только не отбрасывает возможность обращения суждений, корни которого восходят к Аристотелю, но, принимая целиком его, вкладывает в него более конкретное диалектическое содержание. После такого обращения

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С 77-116; Т. 13. С. 71- 141; а также см.: Marx/Engels. Ausgewählte Briefe M.; L., 1934. S. 88.

суждения «производство есть потребление» Маркс получает суждение «потребление есть производство». Смысл такого преобразованного умозаключения, которое не только не исключает аристотелевский силлогизм, но есть именно его развитая форма, состоит в том, что потребление как уничтожение производства со своей стороны уже есть момент производства. Стало быть, отношение между производством и потреблением есть отношение отрицательно-положительного характера, так как они, уничтожая друг друга, устанавливают друг друга. То же самое можно сказать и по отношению к третьему члену марковского диалектического силлогизма — распределение – обмен, так как данная фигура тоже выступает как момент производства. Таким образом, между этими тремя членами марковского умозаключения существует логическая связь диалектической необходимости, осуществляющаяся путем внутреннего отрицания.

В приведенных марковских фигурах умозаключения, как это нетрудно заметить, так же, как у Аристотеля, определенное значение имеет положение среднего термина. В таких суждениях, как «товар есть деньги», «деньги есть товар», «производство есть потребление», «потребление есть производство» и т. п., мы имеем переход товара в деньги, производства — в потребление и обратно. Здесь, как и в упомянутых случаях, совершенно необходимо присутствие среднего термина. Так, крайние термины «производство» и «потребление» необходимо требуют такое среднее, каким, например, является распределение — обмен, которое, со своей стороны, требует с такой же необходимостью — производство и потребление. Аналогично «товар» (единичное) тоже с необходимостью требует такое среднее, как «деньги» (общее), и т. д. Поэтому у Маркса так же, как у Аристотеля, в зависимости от положения среднего, мы можем иметь три разных умозаключения. И тогда, согласно Марксу: **1.** Потребление (единичное) есть производство (общее) посредством распределения — обмена (среднего) и, наоборот: производство есть потребление посредством распределения — обмена. **2.** Распределение — обмен есть производство посредством потребления и, наоборот: производство есть распределение — обмен посредством потребления и, наконец, **3.** Потребление есть распределение — обмен посредством производства и, наоборот: распределение — обмен есть потребление посредством производства.

Следует отметить, что то главное и характерное, которое отличает марковские силлогические умозаключения как от аристотелевских, так и от гегелевских фигур силлогизмов, заключается в том, что у Маркса они выполнены категориями не такими абстрактными, как у Гегеля, и не такими наглядно конкретными, как у Аристотеля, а такими категориальными определениями, содержанием которых является единство многообразного. И еще, эти умозаключения у Маркса

выполнены не такими понятиями, которые находятся друг к другу в отношении рода и вида, и самыми абстрактными, но наполненными конкретным содержанием категориями. Поскольку в упомянутых марксовых умозаклечениях реализована связь категорий, и и и подобные им умозаклечения у Маркса, а также у Энгельса и Ленина выступают как подлинно диалектические умозаклечения, что, конечно, нельзя сказать по отношению логических фигур Аристотеля и даже Гегеля. Аристотелевским силлогистическим умозаклечениям мешает быть подлинно диалектическими и то, что понятийным связям последних зачастую характерна определенная случайность. Так, при всей диалектичностиTM терминов аристотелевских фигур в них средний термин для большого термина представляет случайность так же, как и малый термин для среднего термина в определенной степени тоже случаен. Диалектические взаимоотношения денег и товара, производства и потребления и распределения — обмена не терпят никаких случайностей. В «Капитале» Маркса отрицание производства есть утверждение потребления и наоборот. Но здесь отношение между членами умозаклечения не только отрицательное, но и положительное, так как само потребление требует производства и наоборот, и оба вместе — распределения и обмена.

В силлогистике же Аристотеля при всей ее изначальной диалектической природе мы, конечно, не имеем такой всеохватывающей диалектической определенности. И в самом деле, если посмотреть на логические фигуры с точки зрения марксова умозаклечения, то сразу видна недостаточность первых. Так, отрицание понятия животного не только не утверждает, например, Сократа, Каллия или лошади, но уничтожает их сущность. Но отрицание или утверждение Сократа или Ивана никак не действует на утверждение или отрицание не только животного, но даже и человека вообще. И это все из-за того, что объем рода и может, и не может заключать в себе объема той или другого вида в том смысле, что для признака рода какой-нибудь признак вида может быть совершенно случайным. Человек как таковой может быть и не быть, но от этого само понятие животного ничего не теряет и ни чего не прибавляет, ведь было время, когда не было человека, но животное как таковое было.

У Маркса в его фигурах умозаклечения этот недостаток аристотелевской силлогистики преодолен таким образом, что здесь имеем, если можно так выразиться, не одностороннюю диалектику, как это выражено в силлогистике Аристотеля, а диалектику

«двустороннюю»²⁶, смысл которой заключается в том, что логическая необходимость полностью проявляется тогда, когда отрицание чего-нибудь, как правило, утверждает его само; потребление уничтожает производство и наоборот, ибо они же требуют распределения; деньги требуют товар, а товар — деньги. Попытка отрицания истины логически доказывает неустранимое существование именно понятия истины, что, кстати, было замечено еще Протагором, Платоном и Аристотелем²⁷. Отрицание мысли практически невозможно, так как само это отрицание есть опять-таки мысль; отрицание бесконечного ведет к такой абсолютизации конечного, что оно опять превращается в бесконечное, и наоборот, отрицание конечного дает саму бесконечность, причем, с логической необходимостью; отрицанием тождества осуществляется его же утверждение; отрицая единичное, невозможно избежать именно утверждения единичного (эту диалектическую неустранимость категориального утверждения — отрицания заметили еще Платон и Аристотель). Невозможно отрицание противоречия, так как сама категория противоречия уже утверждает существование противоречия как такового; нельзя отрицать общее, ибо это отрицание уже носит характер общего, ибо отрицание отрицания с логической необходимостью утверждает само это отрицание.

Такие и подобные им диалектические умозаклучения, которые мы в избытке находим у классиков марксизма-ленинизма (а еще у Платона, Аристотеля и неоплатоников и виде намеков и отдельных довольно серьезных подходов), являются умозаклучениями категориальными, подлинно диалектическими определениями, тогда как у Аристотеля фигуры логического умозаклучения пока еще являются выражением узкопонятийного и даже наглядного представления. Аристотелевские логические умозаклучения, хотя и суть поиск, подход к категориальному мышлению, они не являются таковыми. Такими они становятся у Гегеля, а в более развитой форме у Маркса. Далее. И аристотелевских умозаклучениях, хотя и имеется намек на возможность самоутверждения их составных понятий, но такое самоутверждение еще не осуществлено до логического конца, ибо неполная односторонняя диалектика не обеспечивает логического самообоснования терминов фигур, что, как правило, составляет регресс в бесконечность. Напомним, что для того чтобы избавиться от регресса в бесконечности (который, как известно, неприемлем греческому образу мышления), Аристотелю

²⁶ Так называемая «односторонняя диалектика» жидется на том, что отношения терминов в ней не выходят за рамки объемного отношения, имевшего место в диалектике понятий только на момент, но не исчерпывающего бесконечность диалектического доказательства.

²⁷ См.: Аристотель *Метафизика* М., 1934. Кн. 4 Гл. 4—6.

как раз и понадобился аксиоматический метод доказательства. Положив аксиомы в основу логического доказательства, Аристотель, хотя и смог приостановить регресс в бесконечности, тем самым ограничил саму диалектику. Усеченной же диалектикой Аристотель не смог в дальнейшем найти внутренний источник самоутверждения понятий. Более того, приняв за начало доказательства аксиомы, он был вынужден признать абсолютным источником всех форм движения, в том числе движения материальных, сверхъестественное, ирреальное, метафизическое начало, вступая, таким образом, в противоречие с самой собой. Во всем этом просматриваются неразрешимая трудность и ограниченность «диалектической логики» Аристотеля. Эта же трудность присуща диалектической логике Гегеля. Противоречивость эта была разрешена Марксом, в умозаклучениях которого избавление от регресса в бесконечность достигается диалектическим самоутверждением и самоопределением категорий фигур бесконечного умозаклучения. Причем понятийно-категориальные самоопределения у него носят не прямолинейный характер (т. е. распределение понятий по принципу объемного отношения), как у Аристотеля, а, по словам Маркса, **«кругообразный»**²⁸. В упомянутых и других марксовых умозаклучениях мы имеем «кругообороты», так как здесь категории определяют друг друга так, что действительно создается своеобразный круг. Известно, что круг в мышлении представляет тавтологическую бесплодность, логическую ошибку. Однако «кругообороты», или «круговращения», «Капитала» Маркса не суть такого рода «круги», в которых тавтологически повторяется одно и то же, ибо здесь, как мы уже видели, взаимные определения категорий происходят не как механическое отталкивание противоположных моментов мысли, а путем именно внутреннего отрицания — утверждения разноаспектных категориальных определений. В отличие от аристотелевской силлогистики, являющейся умозаклучением конечным, в марксовой силлогистике «кругообороты» эти имеют природу бесконечного умозаклучения (Маркс, а вслед за ним и Энгельс и Ленин справедливо считали формальную логику логикой конечного мышления, тогда как диалектическую логику — логикой бесконечного мышления).

Встает вопрос: каким образом тогда можно говорить о развитии Марксом аристотелевской логики? Ведь Аристотель, как и все древнегреческие философы, всячески остерегался регресса в бесконечность. Дело в том, что бесконечное умозаклучение у Маркса плодотворно, так как оно не толкает мышление в регресс бесконечности.

²⁸ См.: Marx/Engels. Ausgewählte Briefe. S. 85—90; а также см.: «Капитал» Маркса // Маркс К, Энгельс Ф Соч. Т. 23.

Логические кругообороты Маркса дают восходящую линию диалектического развития мысли. Логический круг в конечном мышлении означает ошибку, тогда как в бесконечном мышлении он означает развитие. И в самом деле, упомянутые марксовы примеры представляют собой движение мысли, развитие: так, $D—T—D$, с точки зрения развития, выше, чем, например, $T—D—T$, а выше обеих силлогистик $D—T—D+$ D , в котором круговращение фактически преодолено процессом восходящего развития, т. е. здесь происходит своеобразное круговращение, но круговращение не по повторяющемуся кругу или замкнутому циклу конечного мышления, а диалектическое круговращение по восходящей спирали. Это спиралеобразное развитие логической мысли у Маркса получается на основе и отрицательно-положительных определенностей диалектического умозаключения. Маркс недвусмысленно говорит, но в таких умозаключениях мы имеем осуществление Спинозовского положения — *omnis determinatio est negatio* — всякое ограничение есть отрицание.

Логические умозаключения Аристотеля являются умозаключением конечного логического, тогда как у Маркса они являются выражением бесконечного логического. Противники диалектической логики, считая конечное логическое истинным выражением всякого логического вообще, не принимают бесконечное логическое. Марксово бесконечное логическое есть развитая форма аристотелевского конечного логического. А «круговращения» в логических умозаключениях, характерные для диалектической логики, не только не являются ошибкой мышления, т. е. «порочным кругом» в мышлении, но характеризуют именно само мышление, как одно из проявлений той богатой и вечно меняющейся материи, которая движется в вечном потоке и круговороте²⁹. Именно в связи с этим, как нам кажется, и писал Энгельс: «Закон о смене форм движения является бесконечным, замыкающимся в себе»³⁰ и что форма всеобщности есть форма внутренней завершенности, и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное³¹. Наличие круга в бесконечном умозаключении констатировал и Ленин. Круг в мышлении означает для Ленина относительную завершенность, и действительно, самоутверждение не может не содержать определенного круга или кругов³². Ограниченность аристотелевской логики заключается и в том, что его диалектика односторонне прямолинейна, так как исключает

²⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 362.

³⁰ См.: Там же. С. 359-363, 399-400.

³¹ Там же. С. 548-549.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 321—322.

возможность «круга», наличие диалектического круговращения в логическом мышлении. Так, например, «доказательство по кругу, — пишет Аристотель, — безусловно невозможно... ибо невозможно, чтобы одно и то же для одного и того же было одновременно и предшествующим и последующим»³³. Далее Аристотель пишет: «Таким образом, оказывается, что тот, кто говорит, что есть доказательство по кругу, не говорит ничего иного, как то лишь, что если А есть, то есть А»³⁴.

Однако интересно, что Аристотель вместе с тем делает определенный недвусмысленный намек на возможность доказательства по кругу: «но это (т. е. доказательство по кругу. — *Д. Дж*) невозможно, за исключением тех случаев, когда (термины) сопутствуют (мы бы сказали, «переходят». — *Д. Дж*.) друг другу, как особые свойства»³⁵. Таким образом, Аристотель говорит о том, что доказательства по кругу возможны, но лишь при обратимости категорий. Поставив вопрос таким образом, Аристотель во многом определил дальнейшее развитие диалектики как метода научного исследования. Если у Аристотеля мы имеем прямолинейность в умозаключении, у Гегеля умозаключение представляет такой завершённый круг, который в принципе находится вне всякого развития, тогда как у Маркса, Энгельса и Ленина круговращение в логико-диалектических умозаключениях означает не метафизическую замкнутость, прекращение развития, а его дальнейшее продолжение на более высоком уровне в виде спирали. Категориальная структура марксовых умозаключений является настолько всеохватывающей, что она сама создает круг и сама же его снимает. Так, например, производство как общее определяет не только потребление и распределение — обмен, но также и то, как определяют его определяемые им же моменты³⁶. Классики марксизма преодолели как аристотелевские, так и гегелевские односторонности.

После сопоставления взглядов по обсуждаемому вопросу трех величайших мыслителей человечества — Аристотеля, Гегеля и Маркса — становится более ясной не только сама аристотелевская теория умозаключения и его силлогистика в целом, но становится яснее сложный путь развития этой теории у Гегеля и Маркса. Для выявления принципиального сходства между Аристотелем, Гегелем и Марксом следует отметить, что положению среднего термина в теории суждения и умозаключения они придают одинаковое значение: каково место среднего термина, таково же и само умозаключение. Аристотель, в

³³ Аристотель. Аналитики. «Вторая Аналитика». Кн. I. Гл. 3. С. 185.

³⁴ Аристотель. Аналитики. «Вторая Аналитика». Кн. I. Гл. 3. С. 186.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т 13. С. 316.

частности, и «Аналитиках» неоднократно подчеркивает положение среднего термина. Маркс в принципе солидарен с ним, и представляется не случайной критика Марксом гегелевской теории умозаключения именно в связи со средним термином. Маркс опровергает ложную мысль Гегеля о среднем термине, так как в качестве среднего у него выступает «*mixtum compositum*», скрывающий противоположность между общим и единичным, тогда как противоположность эта, согласно Марксу, должна быть раскрыта полностью³⁷. Далее. Говоря о сходных моментах между тремя основными историческими теориями форм силлогистического умозаключения, следует отметить, что у Аристотеля, также как у Гегеля и Маркса, логические умозаключения опираются на отношения категорий единичного, особенного и всеобщего, с той, однако, существенной разницей, что, если у Аристотеля ввиду своей расчлененности по трем посылкам в форме объемных отношений они представляют логику конечного мышления, создавая полную метафизическую замкнутость логического круга, то у Маркса единичное, особенное и всеобщее оказываются не такими конкретными, как у Аристотеля, и не такими абстрактными, как у Гегеля, а такими конкретно-абстрактными или абстрактно-конкретными, друг друга определяющими категориальными определенностями логической мысли, которые представляют собой переходы, диалектическое развитие логического³⁸, являющиеся процессом восхождения от абстрактного к конкретному. Наиболее всеобщие абстракции возникают только в условиях богатого конкретного развития³⁹, ибо действительно научный метод есть логический метод восхождения от абстрактного к конкретному. И, наконец, хотя аристотелевская логика и получила свое дальнейшее развитие в сторону диалектической логики тем, в частности, что и Гегель и Маркс практически не удовлетворились аристотелевской классификацией выводов, связанной с разложением умозаключения на посылки и заключения — для них эта теория была как бы исходной, базовой. Гегелевские и марксовы синтетические суждения, состоящие из трех категорий — единичного — особенного — общего (E—O—B), безусловно, являются не чем иным, как развитой формой аристотелевского умозаключения, расчлененной конструкции аналогично Гегелю и Марксу можно было бы представить еще и так: S—M—P.

³⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 316.

³⁸ См.: Рецензия Ф. Энгельса на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 484—499.

³⁹ См.: Там же. С. 13-20.

Гегелевские и особенно марксовы силлогизмы не только не отрицают заложенное в аристотелевские силлогизмы положительное содержание, но развивают его дальше, ибо «всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное и единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность»⁴⁰.

Из вышесказанного видно, что при всем своем богатстве аристотелевская теория умозаключения далеко не исчерпывает глубину логических возможностей человеческого мышления, как это думали в течение ряда веков. Аристотелевскими силлогистическими умозаключениями не исчерпываются технические способы записи и логические I возможности выражения человеческого мышления. Силлогизмы Аристотеля, которые выражают «самые обычные I отношения вещей»⁴¹ и являются одним из видов всего богатства форм человеческого мышления, практической деятельности человека, закрепляющейся в фигурах логики⁴², требовали дальнейшего расширения и преодоления некоторых исторических ограничений, что и было сделано Гегелем и развито дальше Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и Владимиром Лениным.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 548.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 159.

⁴² Там же. С. 198.